

Часть первая

ОПЕРАЦИЯ «ВЕРДИКТ»

— Ну вот и братки-и... — протяжно вздохнул Сергей Шипилло, снимая кепку и подходя к ровному ряду похожих друг на друга могил.

Он провел широкой ладонью по коротко подстриженным, с проседью на висках, волосам. И без того суровое выражение лица стало еще строже. Темные глаза заблестели, четко обозначились желваки на скулах...

— Куда ж им теперь отсюда деться?! — то ли возразил, то ли подтвердил мрачную истину Александр Воронцов — на вид самый молодой из пришедшей на Серафимовское мемориальное кладбище троицы.

Протиснувшись между седым снайпером и своим одноклассником — капитаном Торбиным, непоседливый и шустрый по натуре Сашка продолжал стрелять по сторонам озорными черными глазами и, казалось, вот-вот готов был выдать очередной фортель. Однако траурная тишина скорбного места обязывала соблюдать благопристойность.

— Растет рядок, — продолжал тем временем кивать в такт словам прапорщик — старший из приятелей по возрасту, но младший по званию, — скла-

дывают головушки наши друзья, и конца этому процессу, ядерен-батон, не видать.

— Что поделаешь — мы сами выбрали профессию, — с несвойственной серьезностью ответил Воронцов, прозванный в отряде Циркачом.

Ныне вряд ли кто-то из спецназовцев мог точно припомнить, в честь каких именно заслуг Александр обрел данное прозвище — за веселый взбалмошный нрав, или за те неожиданные выходки, вытворяемые им чуть ли не ежедневно, или же за виртуозное, мастерское владение любыми видами холодного оружия. Одно лишь можно было утверждать без опаски ошибиться: прозвище в большой степени соответствовало и его характеру, и облику в целом...

Все трое отправлялись на следующий день в Чечню, сегодня же, согласно давней традиции, приехали на кладбище проститься с погибшими в таких же командировках товарищами. Станислав Торбин достал из-за пазухи приличную по объему фляжку и подал Сергею. Пока тот делал смачный глоток, прикурил сигарету и протянул следом в качестве «фирменной закуски». Снайпер курил редко, но в особенных случаях никогда не отказывался поддержать старинный обычай.

Фляга пошла по кругу...

— Ух, крепок зараза! — шумно выдохнул Циркач, но тут же переключился на другое — более подходящее и свойственное его живой фантазии: — Господа, у меня родилась гениальная мысль. А не за столбить ли и нам тут местечко?

— Поприятней ничего не мог придумать? Мысль у него родилась... — недовольно пробурчал снайпер Шипилло. — Лучше бы ты аборт ей устроил.

— Боишься — ямы не достанется? — впервые подал голос Стас.

— Да нет же! Похоронят-то все одно здесь, так ведь раскидать могут! Одного тут, другого через две версты... А так хотелось бы и после смерти оставаться вместе, вот как сегодня.

— Через две версты!.. — передразнил Шип. — У нас в бригаде и народу-то столько не наберется.

Но каким бы ни слыл Сашка пустоголовым, на сей раз его идея совсем уж бредовой не выглядела. Вероятно, сейчас происходил один из тех редчайших моментов, когда, позабыв о сарказме, он настроился на нечто возвышенное. Следовало воспользоваться исключительным случаем, и прапорщик, переглянувшись с Торбиным, «благословил»:

— Ладно... иногда от тебя не брызжет дурью. Договориться с местной артелью сможешь?

— Легко!

Пока Александр бегал к кладбищенскому начальству, Сергей со Станиславом медленно прохаживались по Аллее Героев вдоль могил, расположенных на одной ровной линии. Казалось, навек ушедшие друзья и сейчас старались выдержать идеальный строй. Дойдя до последнего, самого свежего захоронения, спецназовцы надолго остановились. На мраморной табличке надгробного камня значилось: «Полковник Львовский Алексей Эдуардович. Геройски погиб при исполнении служебных обязанностей».

— Эх... какого мужика фактурного угробили. Особой складки был человек!.. — снова вздохнул Шипилло. — Надо ж так нелепо судьбинушку оборвать! Сам отправился в логово. И что за обычай

такой идиотский — посылать старшими групп командиров бригады?! Чай они уж к своим-то годкам досыта по лесам навоевались да в атаки набегались, так нет же — мотыжь без передыху! Какой воюка из пятидесятилетнего человека?! Он в штабах должен карты малевать, пополнение уму-разуму учить, да какаву с молоком прихлебывать, а не предлагать себя в заложники! И что у нас за страна такая?! Куды ни стрельни — непременно в лоб дурака попадешь!

История гибели Львовского до сих пор вызывала множество пересудов. Пожалуй, только молчаливый Торбин не принимал участия в дебатах о причинах безвременной кончины командира бригады. «К чему ворошить пепел? — рассуждал он, каждый раз уходя от этих споров. — Полковник не мог поступить иначе, не имел права. Да и не было у него в то холодное осеннее утро других вариантов...»

К Серегиному беззлобному ворчанию капитан давно привык, посему слушал друга вполуха и размышлял о своем.

— Вот и завтра с нами Щербинин едет, — вполголоса брюзжал тем временем старый снайпер.

— Разве? — негромко удивился Стас, не отрывая взгляда от портрета бывшего командира.

— Точно говорю — едет. Сегодня видел его командировочное удостоверение в строевом отделе.

— Что ж, на то воля божья. Лишний опытный офицер в Чечне — не помеха...

Несколько минут они стояли неподвижно и молча, вспоминая Алексея Эдуардовича — человека бесконечно смелого, мужественного и бескомпромиссного. Только порывы теплого весеннего ветерка

легонько трепали темные волосы капитана Торбина. Его тонкие губы под почти прямым, с небольшой горбинкой носом, казалось, что-то непрерывно шептали. Крепко сложенный молодой человек с правильными чертами лица и серо-голубыми глазами в сотый раз благодарил покойного Львовского за оказанную четыре года назад бесценную услугу. Тогда стараниями полковника Станислав оказался зачисленным в элитный отряд специального назначения воздушно-десантных войск.

Потом мысли переключились на нынешнего командира бригады — Юрия Леонидовича Щербинина. Затем на его дочь — Елизавету Щербинину...

— Сон нынче мне приснился какой-то странный, — нарушив тишину, медленно проговорил прапорщик.

Казалось, увлеченный своими мыслями офицер ничего не слышал, лишь взгляд немного переместился в сторону собеседника.

— Будто вернулись мы втроем из командировки живые, здоровые, невредимые... — Так же с расстановкой и с паузами развивал тему Шип, — идем радостные по нашему гарнизону. Все вроде вокруг по-старому, ничего не изменилось — те же дома, деревья, знакомые люди... Да вот беда — нас-то никто не узнает!..

Станислав глянул на приятеля и усмехнулся одними уголками губ. Сновидение действительно было необычным.

— Так это еще не все, — «обнадежил» рассказчик. — Останавливаем одного, другого, третьего... Спрашиваем, что, мол, стряслось-то? Почему это вы своих признавать не желаете? А не существовало у нас, говорят, таких никогда. Не числилось в

списках и штатных расписаниях. Во как, ядерен-ба-тон! Пригрезится же такое. И ведь ни единой рюмки вчера не опрокинул!

Отдававший мистицизмом сон Сергея напомнил Торбину и о собственных нехороших предчувствиях перед очередным «вояжем» на Кавказ. Однако провести какую-либо параллель, равно как и удивиться совпадению не успел — появился Воронцов в сопровождении двух работяг в затрапезной униформе.

На помятых физиономиях землекопов угадывалось предвкушение легкого заработка.

— Значит так, уважаемые будущие клиенты, — без предисловия и не доходя десятка шагов, резво начал один из пролетариев, — по триста баксов с носа и пять метров от последней оградки в этом ряду — ваши.

— Окстись, шахтер! — звучно охладил его пыл прапорщик. — Мы ж не евреи и не азеры! Не олигархи, одним словом!

— Как хотите. У нас жесткая такса, — отрезал было гробокопатель, но второй в этот миг пихнул его в бок и взглядом указал на флягу, которой невзначай поигрывал в руке один из потенциальных покойников.

— А чёй-то в ней булькает?

— Угадай, — предложил Стас, равнодушно глядя куда-то вдаль, поверх полинялых ушанок.

— Винище?

— Мимо.

— Водяра?

— Нет такой буквы в этом слове.

— Неужто спирт?!

— Ну наконец-то!..

— А не врешь?

— Выбирай выражения, метростроевец.

Наличие крепчайшего алкоголя в алюминиевой емкости сильно поколебало желание работяг при- держиваться сложившейся таксы — времена, ко- гда от дешевого «Рояля» подозрительного проис- хождения ломились витрины всех ларьков, канули в вечность. И после непродолжительного торга це- на за одно место рухнула до ста условных единиц. Первый из могильщиков записал куцым каранда- шом данные странноватых клиентов, второй ско- ренько сунул деньги в карман, и оба одновремен- но с осторожностью приняли посудину...

Держа «драгоценность» всеми четырьмя гряз- нущими лапами, наперебой загалдели:

— Будьте уверены — сохраним «жилплощадь» в полной неприкосновенности до самой вашей кон- чины! И уложим в лучшем виде — не пожалеете! Будьте уверены...

1

«...Не забывайте работать левой, сукины дети! Резче встречать соперника левой! — отчетливо доносились из глубин памяти команды инструктора по армейскому рукопашному бою. — Торбин, хватит плести кружева на ринге, отработывай удары! А вы что рты на него разинули?! Работать, парни! Работать до седьмого пота! А ну, разбились по- парно и отпахали три раунда по десять минут!.. Тут вам не сборище миловидных жопников на бо- гемной тусовке, здесь из вас делают настоящих мужиков — ДЕСАНТУРУ!..»

Воспоминания об изнурительных тренировках в

родном Рязанском десантном училище прервал робкий голос посыльного:

— Товарищ капитан! Товарищ капитан!..

Станислав резко поднялся с кровати и выглянул за полог небольшой офицерской палатки:

— Что хотел, приятель?

— Вас срочно вызывает полковник Щербинин.

Офицер едва не выругался — и десяти минут не прошло, как прилег после часовой пробежки. Однако сдержался. Стоявший перед ним младший сержант — всего лишь один из многих тысяч мальчишек, угодивших в чеченскую мясорубку отнюдь не по собственной воле. Для них, простых солдат — вчерашних школяров или студентов, здешние бессонные ночи и ранения, продолжительные дневные марши и ночные тревоги были настоящим испытанием, способным до изнеможения измучить душу. Другое дело офицеры и контрактники, шедшие на войну сознательно. Страдали они, конечно, не меньше, но душевно были куда спокойнее...

— Сейчас буду, — только-то и ответил спецназовец, набрасывая на широкие плечи камуфляжную куртку. Через минуту он неторопливо шел по ровной, безукоризненно выметенной дорожке меж стройных рядов армейских палаток.

В начале второй чеченской кампании здесь, под Ханкалой — на месте нынешнего, внушительного по размерам палаточного городка, был организован перевалочный бивак для небольших отрядов войск специального назначения. Теперь же лагерь разросся: имел несколько сотен метров в поперечнике; в центре возвышалось капитальное здание общей столовой с цветочными клумбами во-

круг; на ровной площадке, что примыкала к северной стороне брезентовых «кварталов», разместилась эскадрилья транспортных и штурмовых вертолетов; по периметру базы располагались укрепленные бетонными плитами посты, а вокруг обширного поселения беспрестанно курсировали на БМД дежурные дозорные группы.

Обитель полковника находилась совсем недалеко — в паре минут неспешного хода. Но этого времени Торбину обычно хватало, чтобы полюбоваться красотами местной природы и насладиться дуновением легкого ветерка, несшего чистейший воздух с перевалов Кавказа. По-настоящему теплая летняя погода в здешних краях сменяла скоротечную весну рано — где-то в конце апреля — начале мая. Земля, обильно пропитанная талыми водами, просыхала; солнце к полудню поднималось высоко над горизонтом; на ветвях колыхалась свежая, ярко-зеленая листва.

Появление «зеленки» для «чехов» являло собой радостное и долгожданное событие. Непродолжительной зимой они зализывали раны, копили силы для предстоящего противодействия федералам, а из заснеженных горных лагерей спускались на равнину лишь для пополнения провианта да если появлялась по докладам разведки лакомая добыча. Но едва над головами лесных бородачей густели кроны деревьев — начиналась настоящая война...

«Да, после зимних «каникул» боевые действия снова набирают обороты, — вздохнул Стас, — в этой командировке бог нас миловал. И меня, и Воронца, и Шипилло. Скоро возвращаемся домой. Целехонькими возвращаемся!.. Вроде только вче-

ра осуществляли сумасбродную идею Циркача — прикупали места на кладбище; Серега рассказывал о своем странном сне, а уж почти три месяца минуло. Да, быстро на войне летит время! А сон-то его не сбился. Впрочем, и мои предчувствия тоже не оправдались...»

В штабе отряда, чья палаточная «улочка» раскинулась по соседству со схожими подразделениями, находились три офицера. Среднего роста и крепкого телосложения полковник — командир бригады Щербинин; смуглый, слегка полноватый майор Константин Сомов — оперативник, отвечавший за взаимодействие с ФСБ и другими родами войск, и капитан Торбин.

Комбриг говорил медленно, с расстановкой, стараясь донести до подчиненных всю суть и сложность предстоящего задания:

— В штабе оперативной группы предстоящую операцию окрестили «Вердикт». Основной задачей спецотряда является личное уничтожение эмира Шахабова Беслана Магомедовича по кличке Медведь. Прозвище, насколько вам известно, дано за крайне жестокий нрав — пленных не берет или же выкупает у других террористов с целью пыток и показательных казней. Отвечает этот весьма уважаемый в чеченской армии человек за подготовку молодых резервистов. Кроме того, по некоторым и пока непроверенным данным, именно он готовит смертников — так называемых шахидов, осуществляющих жесточайшие теракты в городах России...

Майор делал короткие пометки в планшетном блокноте, Торбин же слушал информативный ин-

структаж, стараясь запомнить самое важное, непосредственно относящееся к будущей акции. Пальцы его правой ладони привычно и быстро перегоняли меж собой монетку — от мизинца до большого и обратно. Дабы не раздражать монотонным мерцанием тусклого металла начальство, руки во время таких аудиенций Стас предпочитал держать за спиной.

— ...По сведениям разведки учебный лагерь заместителя командующего вооруженных сил Чеченской Республики Ичкерия более двух-трех недель на одном месте не задерживается. Отряд численностью от двухсот до четырехсот боевиков постоянно курсирует вблизи российско-грузинской границы, разбивая биваки в густых лесах. Изредка, при приближении превосходящих сил федеральных войск, соединение перебазируется в Панкисское ущелье. Позавчера Медведь с большой группой вооруженных бандитов пересек границу и вновь обосновался на нашей территории. Итак, капитан, твоя задача...

Майор перестал записывать и поднял голову. Торбин перевел взор со светлого пятна целлофанового оконца на полковника.

— Самостоятельно набери отряд из семи человек, ты — восьмой. В обязательном порядке возьми пару профессиональных снайперов. Желательно также включить в группу еще одного офицера.

Юрий Леонидович на мгновение умолк и, стрельнув лукавым взглядом, предположил:

— Вторым офицером, вероятно, пойдет Воронцов?

— Так точно, — утвердительно кивнул капитан.

— Годится, — удовлетворенно буркнул Щерби-

нин. — Далее... Оружие и снаряжение любое — на ваше усмотрение. Тройной боекомплект на пять дней. Питание, вода, медикаменты — без ограничения. Вот карта с маршрутом движения и обозначением дислокации лагеря Шахабова.

Он достал из полевой сумки новенькую топографическую карту, развернул и положил на стол. Ткнув пальцем в небольшой кружочек, очерченный синим фломастером, командир бригады вытянул из другого отделения сложенный вчетверо листок с видневшейся на углу круглой гербовой печатью:

— Боевое распоряжение. Держи, оно уже подписано. Выброска в час тридцать ночи. Сейчас майор Сомов позаботится о снаряжении, ты же, Станислав, присоединишься к нему чуть позже. Людей отберешь и проинструктируешь в двадцать четыре ноль-ноль, не раньше. Выход колонны бэтэ-эров из лагеря в ноль сорок пять. Десантирование должно произойти на десятом километре южной грунтовки. Вопросы есть?

Оба офицера промолчали, что означало отсутствие «белых пятен» в их понимании цели и деталей предстоящего задания.

— Сомов, свободен, — отпустил оперативника полковник.

Тот кивнул, спрятал блокнот и вышел из палатки. Щербинин же сделал шаг к Торбину и произнес уже не сухим и казенным, а добрым, почти отеческим тоном:

— Понимаю... не прошло и недели, как ты вернулся из тех краев, но кто лучше тебя знает тамошние тропы и ущелья?

Молодой человек устало улыбнулся — эта ко-

мандировка действительно выдалась насыщенной и тяжелой.

— Мы давно охотимся на Медведя, — вздохнув, продолжал командир бригады, — две группы, посланные с идентичной задачей, исчезли бесследно — как сквозь землю провалились. Поэтому настоятельно прошу избегать передвижения по открытым пространствам. Скрытность, Станислав, и еще раз скрытность! Сторонитесь людей по пути до логова Шахабова и не ввязывайтесь ни в какие стычки. Маршрут, указанный на карте, разрабатывался с учетом всех предыдущих ошибок и проложен исключительно по лесистой местности.

Щелкнув пальцем по пачке, он вышиб сигарету и подпалил ее зажигалкой. Пройдясь взад-вперед у стола и немного помолчав, негромко озвучил последнее напутствие — сугубо личное:

— Береги себя, Стас. Если с тобой, не дай бог, что-нибудь случится — Елизавета меня со свету сживет. Это последняя операция, вернешься — будем собираться домой, в Питер. А там у тебя отпуск... Отправлю вас с Лизой куда-нибудь в теплые края — косточки погреть на белом песочке. Идет?

Согласно кивнув, Торбин решил все же не выходить за рамки устава и четко произнес:

— Разрешите начать подготовку?

— Подожди... — Юрий Леонидович выудил из той же полевой сумки белоснежный конверт, — здесь фотография эмира. Это чтоб твои снайперы не ошиблись. Теперь приступай.

Стас молча взял со стола карту и сунул ее вместе с боевым распоряжением и конвертом в один

из карманов куртки. Полученную информацию можно было считать исчерпывающей.

Вынырнув из палатки, он зажмурился от яркого весеннего солнца и твердым шагом направился вслед за майором Сомовым...

По проселочной дороге во мгле южной ночи двигалась колонна БТР-80. Маршрут между двумя лагерями федеральных войск оставался относительно безопасным для передвижения в темное время суток — на пятнадцатикилометровой дорожной дуге располагалось три укрепленных блокпоста. Кроме того, несколько часов назад для пущей надежности в район предстоящей высадки была направлена разведгруппа.

Каждая боевая машина вмещала в своем чреве до восьми десантников, но в этот раз спецназовцы тащили с собой изрядную поклажу: всевозможное снаряжение, продовольствие, оружие и боеприпасы. Поэтому решили разместиться без стеснения в двух бэтэрах...

Последние транспортеры вдруг снизили скорость и немного приотстали от колонны. От продолговатых бронированных тел поочередно отделились неприметные тени. Когда последняя, восьмая, исчезла в придорожных зарослях, мощные двигатели взревели, набирая былые обороты, и машины, оставив клубы пыли и дыма, скрылись за плавным поворотом, догоняя колонну.

Едва стихли надрывные звуки, над лесом установилась абсолютная тишина: ни шорохов, ни шелеста листвы, ни треска сухих ветвей... Все бойцы десантированного отряда замерли там, где застигло безмолвие — для сбора и дальнейшего

продвижения должен был прозвучать условный сигнал командира.

Торбин достал из нагрудного кармана разгрузочного жилета небольшую радиостанцию «Вертекс».

— Двадцать два, — негромко проговорил он, нажав кнопку «Передача».

Две двойки означали успешную высадку и готовность к пешему марш-броску. Через мгновение в динамике раздался закодированный ответ:

— Семьдесят семь.

Этими двумя цифрами старший разведгруппы, что расположилась на высоте в трехстах метрах южнее, оповещал о благоприятной, спокойной обстановке вокруг.

— Отлично, — прошептал капитан.

Положив ненужную отныне рацию на землю, он с силой наступил на нее и дважды отрывисто свистнул. Первый звук был немного длиннее второго и на полтона ниже. Вскоре вокруг собрался весь отряд. Темноту прорезал слабый свет луны, преодолевшей вершины гор, и все восемь бойцов небольшого отряда бесшумно растворились в ночной мгле...

До рассвета предстояло прошагать более десяти километров и выйти на рубеж, где относительный контроль территории республики российскими войсками заканчивался. Далее начиналась пересеченная местность, скрытая до самой Грузии лесами и кишашая разрозненными отрядами сепаратистов. Именно оттуда боевики раз за разом спускались на обширную равнину — Терско-Кумскую низменность, с тем чтобы уничтожить неверных и творить разбой. Высокогорные районы под-

вергались лишь эпизодическим ракетно-бомбовым ударам с воздуха да коротким нашествиям регулярных частей для уничтожения баз террористов, засеченных аэрокосмической разведкой. Иногда туда наведывались и небольшие подразделения спецназа...

Впереди — на удалении зрительной связи — шла пара лидеров: опытный снайпер Шип — прапорщик Сергей Шипилло и Руль — рядовой Анатолий Тоцкий, получивший свое прозвище благодаря безмерной любви к автомобилям. На старенькую, но проверенную временем оптическую винтовку «СВД» Шип приладил прибор ночного видения и теперь, постоянно обзревая окрестности, уверенно продвигался сквозь заросли. Иногда, замечая что-то подозрительное, он замирал, и тогда идущий на подстраховке Руль вскидывал вверх руку. Торбин же, следя за каждым их движением с помощью ночного оптического прицела, немедленно останавливал основную группу, арьергард которой замыкал и прикрывал его давний друг — капитан Воронцов.

Впрочем, каких-либо длительных заминок в дороге не случилось, и весь путь первого этапа отряд проделал до восхода солнца — натренированные мужчины справились с задачей в означенный срок. Хотя... если бы они поддались на уговоры майора Сомова, настоятельно рекомендовавшего облачиться в положенное снаряжение, кратковременные остановки пришлось бы делать гораздо чаще. Выбирая амуницию, они все как один отказались от шлемов и бронежилетов. Надежные и обладавшие четвертой степенью защиты титановые «кирасы» были слишком тяжелы. Легкое же

кевларовое облачение от пуль «калашей» и снайперских винтовок все равно не спасало.

— Привал, — объявил Станислав на заросшем склоне пологого пригорка и, взглядываясь в начинавшее светлеть на востоке небо, приказал: — Всем отдыхать четыре часа. Первым дежурю я и рядовой Тоцкий. Через час заступают Воронцов с Бояриновым, их меняют Шипилло и Куц. Последняя пара — Серов, Деркач...

* * *

Десятки раз, находясь в Чечне, полковник Щербинин лично участвовал в спецоперациях, но еще чаще формировал и отправлял отряды на различные задания. Чем только поначалу не занимались бойцы спецназа! Ликвидировали незаконные вооруженные формирования, освобождали заложников, искали и изымали оружие с боеприпасами, пресекали незаконную добычу и перевозку нефтепродуктов... А то и вовсе исправляли неуклюжие действия подразделений внутренних войск.

Сейчас все выглядело по-другому. В обыденной службе ребят из спецназа ВДВ не было ничего общего с «вселенскими» масштабами разрекламированных, кричащих с телеэкранов и первых полос газет акций подразделений внутренних войск и прочих силовиков. Немногочисленные отряды высококлассных спецов выполняли свои обязанности быстро, тихо и без шумной огласки результатов. Их боевые вылазки в корне отличались от постоянной неразберихи в регулярных армейских частях, происходящей из-за несогласованности действий между родами войск, а посему час-

тенько разбавленной матом, истерикой и огромными человеческими потерями. Возможно, данное существенное преимущество имело под собой как минимум два серьезных основания. Первым, бесспорно, было то, что офицеры и контрактники спецназа воевали в Чечне не эпизодически, а почти постоянно. Ко второму же относилось тесное сотрудничество с Департаментом ФСБ по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом. После совместной разработки любой операции ее ход держался под неусыпным контролем все тех же фээсбэшников — сотрудников Оперативно-координационного управления по Северному Кавказу. С этими молчаливыми ребятами спорить никто не хотел, посему информация у спецназа всегда была наисвежайшая; аэрокосмическая разведка оперативно-тактическую обстановку освещала вовремя, а вертолеты и штурмовики появлялись в самых нужных местах.

Множество отлично подготовленных групп уходило в предгорные районы Большого Кавказа для уничтожения вполне конкретных лиц — виновников гибели заложников и взрывов, сотрясающих мирные города. Абсолютное большинство таких команд возвращалось. Конечно, не всегда в установленный срок и далеко не в полном составе. А те, кто вновь появлялся в палаточном поселке, были порядком измотаны, худы и зачастую в окровавленных бинтах. Тем не менее на лицах блуждали довольные улыбки — мужская работа выполнена, и сделали ЭТО именно они. Только два отряда канули в безвестность — как раз те, что искали эмира Шахабова. Люди исчезли — словно растворились в бескрайних лесах и горных ущельях. спаса-

тельные операции сменялись поисковыми, но ни они, ни попытки спецслужб что-либо выяснить через местную агентуру положительных результатов не дали...

Казалось бы, старт «Вердикта» прошел успешно и обитателям базового лагеря под Ханкалой оставалось набраться терпения да спокойно дожидаться возвращения группы Торбина, ни единой до сих пор не хлебнувшего горькой участи провала. Всякая связь с капитаном во избежание обнаружения противником исключалась — на сей раз командование решило понапрасну не рисковать и максимально перестраховалось: во-первых, непосредственных участников не стали готовить загодя, а выбрали и посвятили в суть буквально за час до выброски. А во-вторых, Станислава и его людей отправили в тыл противника «глухонемыми», то есть не снабдив ни комплектом спутниковой связи, ни индивидуальными переговорными устройствами малого радиуса действия. Единственную коротковолновую радиостанцию «Вертекс» сразу же после лаконичного доклада разведгруппы о «чистоте» места десантирования командиру надлежало уничтожить.

Одним словом, каждая деталь в механизме предстоящего задания выглядела досконально продуманной. Однако, несмотря на столь скрупулезную подготовку и радикальную секретность, операция по устранению Беслана Шахабова вновь не заладилась почти с самого начала...

— Товарищ полковник, — послышался рано утром настороженный голос часового с улицы.

Щербинин с пеной для бритья на щеках недо-

вольно выглянул из командирской палатки. Возле часового — рядового спецназовца — стоял старший сержант — посыльный из оперативного штаба.

— Извините, — виновато начал тот и выпалил: — Вас срочно вызывает на совещание командир соединения.

— Доложи: через пять минут подойду, — вздохнул Юрий Леонидович, стирая полотенцем с лица белую массу и исчезая внутри брезентового жилища.

Ровно через пять минут он проследовал мимо двух высоких флагштоков с колышущимися полотнищами российского триколора и красного флага с изображением Родины-матери и вошел в штабную палатку. Поздоровавшись с генерал-майором внутренней службы Бондарем — руководителем оперативного соединения, командир бригады обвел встревоженным взглядом остальных офицеров. К его немалому удивлению, на внеплановом совещании присутствовали только чины из ФСБ.

— Присаживайся, Леонидыч, — прогудел старший по званию, — есть серьезный разговор.

Он подождал, пока тот устроится на деревянном табурете, и спросил:

— Выброска произведена успешно?

— Прошла без казусов — согласно разработанному плану, — спокойно отвечал тот. — Я же ночью докладывал по возвращении разведчиков.

— Понятно. Небось не выпался?

— Ерунда...

— Сергей Аркадьевич, введи-ка командира десантников в курс дела.

Полковник — седой фээсбэшник, знавший Щербина лично, покашлял в кулак и начал:

— Сожалею, Юрий Леонидович, но приходится озвучивать не слишком хорошую весть. Нами перехвачен странный диалог на одном из каналов «Вертекса». Точнее, доклад открытым текстом — без кодировки, о готовящейся операции «Вердикт»...

Контрразведчик осекся, заметив, как меняется выражение лица командира спецназовцев.

— Какой диалог? Кто?! — взревел тот, глядя на полковника испепеляющим взглядом.

— Нам и самим хотелось бы прояснить. Потому, собственно, и примчались, — впервые взглянул ему в глаза Сергей Аркадьевич и обратился к молодому майору: — Верник, доложи подробности.

— Майор Верник. Отдел «Л» службы безопасности, — немного картавя, представился незнакомый офицер в очках с тонкой оправой.

Отдел «Л» занимался радиоперехватами и прослушиванием эфира. Офицеры и связисты знали данный порядок и старательно избегали нарушений — передачи информации по радиоканалам открытым текстом. Для общения посредством портативных станций полагалось использовать специальные кодовые переговорные таблицы. Коды, равно как и рабочие частоты, менялись не реже одного раза в неделю, дабы сбить с толку неприятеля, оснащенного зачастую не хуже федеральных войск.

— В ноль часов двадцать минут по местному времени записан короткий разговор двух мужчин, — начал докладывать майор, беспрестанно заглядывая в маленький блокнот. — Один говорил приглушенно, на чистом русском языке и выдал

исчерпывающие данные о готовящейся оперативной акции: цель; состав группы, включая фамилии и звания должностных лиц; вооружение и маршрут движения. Другой по ходу задавал наводящие вопросы. Кстати, в речи второго присутствовал легкий кавказский акцент.

В палатке повисла тишина. Первым, повернувшись к комбригу, подал голос Бондарь:

— Кто подробно знал о предстоящей операции?

— Не считая сотрудников ФСБ и руководства, ставившего нам задачу по физическому устранению Шахабова, о деталях были осведомлены двое: я и Сомов, — расстроено и с потухшим взором отвечал Щербинин. — Вчера примерно в восемнадцать пятнадцать закончился инструктаж капитана Торбина — старшего группы, после чего он занимался снаряжением и прочей подготовкой. Людей он отобрал и проинструктировал где-то в районе полуночи.

— Выходит, что ко времени перехвата о предстоящем «вояже» знали помимо названных еще восемь человек, — задумчиво молвил генерал.

— А в котором часу из лагеря вышла колонна бэтээров? — насторожился полковник ФСБ.

— В ноль сорок пять.

— Стало быть, информатор выходил на связь с сепаратистами до того, как отряд покинул расположение наших войск, — почти шепотом констатировал неприятный факт Бондарь. — Это хуже. Это гораздо хуже, чем мы думали, ведь в таком случае предатель может оказаться и среди тех, кто ушел на задание.

Когда прозвучало слово «предатель», присутствующие невольно переглянулись, сам же руково-

дитель опергруппы повел головой, точно отгоняя назойливую и крайне неприятную мысль.

Внезапно он встрепенулся и с надеждой глянул на Верника:

— А направление на источники сигналов заперенговать успели?

— Нет, товарищ генерал, — виновато отвечал моложавый, — сеанс связи длился не более двух минут, и к тому же из-за возвышенностей сигнал был крайне слаб.

— Передачу могли вести откуда угодно, — безнадежно махнул рукой Сергей Аркадьевич, — хоть из сортира... Скажи-ка лучше, Юрий Леонидович, сколько и у кого в твоём подразделении имеется комплектов радиостанций «Вертекс»?

— В обычное время только у офицеров, — буркнул тот, — а при подготовке какой-либо операции, если не ставится условием полное радиомолчание, выдаем всем остальным.

— То есть в момент вчерашнего выхода в эфир...

— Да, — раздраженно перебил полковник.

Он порывисто встал и, нервно вышагивая по палатке, начал загибать пальцы:

— Моя рация — раз; у майора Сомова — два; у Торбина — три; у Воронцова — четыре; у старшего лейтенанта Ковалева — пять; ну и само собой их до чертовой матери у нашего снабженца, старшего прапорщика Ивлева — шесть.

— Пришла беда — открывай ворота. Этого нам еще не хватало! — проворчал генерал-майор, понимая, насколько сейчас нелегко командиру бригады. Кивнув полковнику ФСБ, спросил: — Что думаешь делать?

— Пусть уж Юрий Леонидович не обижается, но начнем проверку с оставшихся здесь бойцов. И в первую очередь займемся обладателями «Вертексов»: Ковалевым и Ивлевым. Сомова знаю давно, но стоит побеседовать и с ним. Также планируем усилить прослушку эфира на случай последующих выходов информатора на связь. Ну, а если «перевертыш» ушел с отрядом... — Сергей Аркадьевич пожал плечами и сделал жест руками, красноречиво говорящий об отсутствии каких-либо мыслей по этому поводу.

— Ясно. И все же нам надо изыскать какой-то способ... Леонидыч, твои предложения?

Тот продолжал метаться по мизерному пространству, но теперь растерянность на лице уступила место сосредоточенности. Остановившись у лежащей на столе карты, он начал рассуждать вслух:

— Согласен, самое худшее — если изменник среди тех, восьми. Хотя нет — в Торбине я почти не сомневаюсь, значит — семи.

— Почему «почти»? — живо зацепился за фразу фээсбэшник.

Комбриг на миг задумался, пожевал пухлыми губами, но с объяснением не задержался:

— На сто процентов могу ответить лишь за себя, за любого другого, включая и присутствующих здесь, более девяноста девяти не дам.

— Доходчиво, — удовлетворился ответом контрразведчик. — Извини, я тебя прервал...

— Так вот. Самое отвратительное, что с ними отсутствует всякая связь — сообщить о грозящей опасности невозможно. Посему жизни ребят ви-

сят на волоске и под угрозой срыва находится вся операция...

Кажется, Бондарь начал догадываться о мыслях Щербинина, но молчал — ждал, когда тот выскажется сам.

И комбриг не стал испытывать терпения сослуживцев, сказав глухо:

— Полагаю, у нас имеется единственный выход — послать вторую группу с двойной задачей: во-первых, нагнать людей Торбина и нейтрализовать оборотня; во-вторых, подстраховать исход поставленной задачи.

— Годится, — кивнул пожилой вояка, и заметное удовлетворение скользнуло по его лицу, — но, насколько мне известно, у вас маловато офицеров. Кого думаешь назначить старшим?

— Лидером пойду сам. И майора Сомова заберу — он опытный оперативник, пригодится. Моих из бригады в лагере останется два десятка во главе со старшим лейтенантом Ковалевым. Больше никаких кампаний не предвидится, нам скоро уже домой — справится...

— Минуточку, — не дал договорить ему полковник ФСБ, — а если вдруг «крот» окажется в твоей группе! Что тогда?

— Мы, в отличие от капитана Торбина, к такому повороту будем готовы. Постараемся с Сомовым раскусить эту сволочь.

— Годится, — еще раз, но уже увереннее прежнего повторил Бондарь. — Отдел «Л» обеспечит вас аппаратурой спутниковой связи. Докладывать о ходе операции будете ежедневно — время сеансов определит майор Верник. Сообщения подпи-